

Даля Трускиновская

Кладоискатели

Домовые

Даля Трускиновская

Кладоискатели

«Автор»

Трускиновская Д. М.

Клагоискатели / Д. М. Трускиновская — «Автор», — (Домовые)

Они живут рядом с нами, при этом оставаясь незаметными. Они заботятся о нас и о нашем хозяйстве. Они – домовые! маленькие человечки с совсем не малыми проблемами...

© Трускиновская Д. М.

© Автор

Далия Трускиновская

Кладоискатели

рассказ

Пламя было желтоватое, бледненькое, и человек бывалый, в лесу не раз кормившийся и ночевавший, подивился бы – это что ж нужно в костер кинуть, чтобы такого диковинного цвета огонь получить?

Тот же бывалый человек, увидев блеклый полупрозрачный костер, кинулся бы опростелить прочь, теряя шапку с рукавицами, крестясь и отплеываясь, и долго бы потом рассказывал, как набрел на нечистую силу. А для чего нечистой силе такое затевать? А дураков в болото заманивать! Оно же, болото, как раз тут и есть, сойдешь с тропы – и уже топко.

А вот если у кого хватит смелости подойти – то и увидит тот отчаянный, что никакого огня нет – а стоит блеклое золотистое сияние над кучкой тусклых монет. А что с играющими языками – так это мерещится. Вблизи монеты словно в желтом пушистом сугробчике лежат.

Но это еще не все. Сев перед золотой кучкой и глядя сквозь мнимый костер, увидишь по ту сторону человека, мужика или бабу, совсем обыкновенного, тоже на земле сидящего, только одетого в совсем старый лад. И улыбнутся тебе оттуда попросту, без окровавленных клыков и прочей дури, которую горазды кричать заполошные бабы, набредя в вечеряющем лесу на особо выразительную корягу или выворотень.

Так вот – то, что издали казалось пламенем, было желтоватое и бледненькое, однако прекрасно освещало мрачноватую под густым потолком из еловых лап поляну и девку на ней, ворошившую палкой монеты, словно уголья, чтобы поскорее прогорели.

Девка и сама была бледновата, нос – в веснушках, волосы же, собранные в недлинную и толстую косу, – рыжие, поярче огня, не пронзительного, а вполне приятного цвета. И она тихонько пела «подблюдную», хотя была тут в полном одиночестве, без подружек, и до святков оставалось почитай что полгода.

– Уж я золото хороню, хороню, чисто серебро хороню, хороню, – печально выводила она. – Гадай, гадай, девица, гадай, гадай, красная, через поле идучи, русу косу плетучи, шелком первиваючи, златом приплетаючи...

Хрустнуло – девка подняла голову и нисколько не удивилась тому, что из темноты вышел к ней белый рябоватый конь. О таких говорят – в гречке. И эта гречка, бывает, проступает только к старости.

– А, это ты, Елисеюшка? – только и спросила. – Опять не получилось?

– Устал я, Кубышечка, – отвечал конь Елисей. – Которую ночь так-то по дорогам шатаюсь. Повзбесились людишки! Раньше-то как? Увидят коня – и тут же ему хлеба на ладони – подойди, мол, голубчик! И по холке похлопают! А сейчас – словно сам сатана из куста на них выскочил! Шарахаются, орут, бежать кидаются! Точно дед Разя говорит – последние дни настали...

– А все через гордость свою страдаешь, – заметила Кубышечка (причем это прозвище оказалось ей вовсе не к лицу, была она не толще, чем полагается здоровой девице на выданье). – Тогда и надо было в руки даваться, когда тебя хлебом приманивали. А ты все перебирал, перебирал! Того не хочу да этого не желаю! Тот тебе плох да этот нехорош! Вот и броди теперь, как неприкаянный!

– А ты – не через гордость ли? – возмутился конь.

– Я не гордая, я – разборчивая. Девушке нельзя с первым встречным, – спокойно объяснила Кубышечка. – Глянь-ка – сохнут? У тебя нюх-то острее моего!

И выкатила коню под копыта несколько золотых копеек. Кстати сказать, это были денежки с именем и образом несостоявшегося русского царя – польского королевича Владислава, который случился как раз после Дмитрия Самозванца. Только его советникам и взбрело на ум переводить золото на копейки.

Елисей наклонил красивую голову и обнюхал монетки.

– Зря беспокоишься, давно все просохло. Вранье это, будто золото от сырости плесенью покрывается.

– Вранье не вранье, а просушивать надо. Серебро, кстати, тоже.

Конь задрал голову и поглядел на небо.

– Утро уже...

– А когда и сушить, как не утром, на солнышке?

– Ну, уговорила.

Елисей встряхнулся, и тут же раздался звон. Рядом с золотой кучкой образовалась серебряная и принялась расти, мелкие кривые черноватые монетки словно бы зарождались в воздухе на уровне конского брюха и падали ровненько, образуя нечто вроде большого муравейника.

– Ишь ты! – похвалила Кубышечка. – Ты из всех из нас, погляжу, самый богатый. А вот фальшивая, глянь! Выбросить бы!

– Выбрось, коли умеешь! – буркнул конь. – Нет, им всем вместе лежать на роду написано, пока не отдамся. А тогда пусть уж хозяин разбирается!

– Разберется, как же! Не смыслят нынешние в серебре-то...

Конь согласно кивнул.

– И кладов теперь не прячут, – добавил он. – Вот любопытно – как же они деньги-то в смутные времена хранят?

– А может, и прячут... – Кубышечка призадумалась. – Прячут, да нам не докладывают.

– Кабы прятали – мы бы знали. Всякий новый клад полежит-полежит, да и выходить начинает. Скучно же лежать-то!

– А коли в городе? Закопают его, бедненького, на огороде, у колодца, ему и выйти-то страшно! – Кубышечка вздохнула. – Там-то народу густо, человек и не захочет, а рукой приронется – и вот он, клад, бери его, собирай в подол! Не то что у нас, в лесу!

– Ты бы вспомнила, кто нас с тобой схоронил!

– А чего вспоминать – лесные налетчики!

– А городской-то клад честным человеком положен. да-а... Чего ему шататься, хозяина себе высматривать? У него законный хозяин есть, и с наследниками! Это нам – в такие руки угодить, чтобы тем разбойные грехи замолить...

– А ты действительно такого человека ищешь, чтобы... – Кубышечка не договорила, но Елисей понял.

– А ты-то разве не ищешь? Вот идет он по дороге, а ты из кустов глядишь и думаешь себе: э-э, дядя, тебе не то что золото, тебе медный грош доверить нельзя, сейчас в кабак с ним побежишь! Ты же не всякому являешься? Ты же...

Тут конь поставил уши, пошевелил ими и опознал еле уловимый шум.

– Дедку нелегкая несет...

– Горемыка он, Елисеюшка.

Дед и на дорогу не выходил – бесполезно было. Его заклял редкой изобретательности подлец: на того заговорил, кто сумеет взлезть на сосну вверх ногами, имея при этом в руках мешок с пшеницей. Сам подлец уж триста с хвостиком лет, как помер, а дед остался горьким сиротой. Кабы он знал о существовании мартышек и о том, что есть мастера их обучать, то уж додумался бы, как подать о себе весточку такому мастеру. Но из живности он видывал только деревенскую домашнюю скотину.

От безнадежности дед стал выдумывать несообразное и величаться перед прочими кладами. Мол, вас кто положил? Мелкая шушера и подзаборная шелупонь вас клала, какие-то не шибко лихие Ерошки и Порфишки, а меня – сам Степан Тимофеевич!

Ему сперва отвечали – опомнись, дед, какой Степан тебе Тимофеевич? Он по Волге ходил, там на берегах свои клады прятал, а где тут тебе Волга? Тут – речка Берладка, в нее Степанов струг и не втиснется, берега порвет! И не станет Степан городить ерунду про сосну и мешок с пшеницей. Он, сказывали, попросту заговаривал: кто берег с берегом сведет, тот и клад возьмет. А пуще того – стал бы Степан унижаться, землю рыть ради такой мелочи, как горшок меди, в котором хорошо если четверть серебра наберется?. С серебром, правда, странная закавыка – есть несколько не просто иноземных, а испанских крупных монет, называемых «песо», но не отчетливой мадридской или же толедской чеканки, а небрежной, по которой и можно узнать деньги из заморских владений Испании. Эти-то песо дед и положил в основу своего вранья, нагло утверждая, что Степан Тимофеевич взял их в Персии. Опровергнуть его ни у Кубышечки, ни у Елисея, но у Алмазки, ни у Бахтеяра-Сундука никак не получалось...

Кончилось тем, что прозвали неугомонный клад дедом Разей и предоставили ему молоть языком вволю. Но, когда уж слишком завирался (сообщил как-то, что стережет его та самая утопленница-персиянка, но показать ее не сумел), молча расходились и укладывались каждый в свое место: Елисей – под здоровый выворотень, Кубышечка – под приметную, о трех стволах, сосну, Алмазка – вообще в пустое дерево, на самое дно сквозного дупла. Ему-то много места не требуется, полуистлевшему кожаному мешочку с самоцветами...

Дед Разя прибыл на поляну и обзрел общество.

– А где бусурман? – так он звал Бахтеяра, напрочь не желая слышать объяснений, что при царе Михайле и крещеный человек мог таким именем зваться, потому что тогда у всякого по два имени обычно было, церковное и родителями данное, а иной человек и третье от добрых людей получить удаивался, и четвертое даже, и во всех бумагах тем четвертым писался ничтоже сумящся. Вот и Алмаз – тоже русское имя, ничем не хуже какого-нибудь Варсонофия.

Но дед, свято выдерживая характер, показывал себя верным сподвижником Степана Тимофеевича, который басурманского духа не переносил, вот разве что девкам делал известную поблажку.

– Бахтеярушка три ночи подряд выходил, отдыхает, – ответила Кубышечка. – Полнолуние же, самое время.

– Полнолуние ему... – проворчал дед. – А что с бусурмана взять! Штатается, всякому себя предложить норовит! Небось, такого же, как сам, бусурмана ищет! Они-то друг дружку чувят!

Елисей, не поворачивая головы, скосил глаз и стал подтягивать левую заднюю к брюху. Как-то, бродя в надежде найти себе хозяина, он вышел к табуну и увидел, как хитрая кобыла, обороняя сосунка от молодого и бестолкового жеребчика, неожиданно лягнула не назад, а вбок. Ухватка ему понравилась, он опробовал ее на досуге и теперь только ждал, чтобы дед Разя договорился до такой дурости, за которую следует поучить.

Дед ждал словесной отповеди, чтобы ввязаться в склоку, но не дождался. Кубышечка преспокойно ворошила свое золото и Елисеево серебро. И то – за столько лет научишься не обращать внимания на старого бузотера...

– И развелось же этих бусурман, – не совсем уверенно молвил дед. – Черномазых этих, носатых... Вот ты, Елисей, к примеру, белый – потому что ты – серебро. Кубышка – рыжая – золото. Я – пегий, во мне всего понамешано, что Степану Тимофеевичу под руку подвернулось. А черные-то – с чего? Что у них в самой сути? А? Вот то-то!

– Степан-то Тимофеевич, сказывали, сам был чернее воронова крыла, – заметила Кубышечка. – Он из казаков, у них это – обычное дело. Елисей, забирай серебро, просохло. И спать ложись!

Она повысила голос, увидав, что конь изготовился к нападению. Кубышечка драк не любила, да и какой смысл затевать драку тем, кто обречен сосуществовать на крохотном пятачке вблизи опушки? Вот кабы можно было навеки разбежаться – иное дело...

– Да и ты бы отдохнула, – сказал на это Елисей и потрогал монеты копытом. Они взмыли дрожащим облачком – и не стало их, а на конских боках вроде бы прибавилось черноватых крапин.

Кубышечка стала горстями накладывать золото себе за пазуху. Дед Разя, вытянув шею, попытался туда заглянуть. Кубышечка повернулась и показала деду кулак:

– Не про тебя растила!

С тем и ушла с полянки, а конь, нехорошо поглядев на смутьяна, – за ней.

Дед Разя сел, прислонился спиной к сосне и очень глубоко вздохнул. Душа просила песни. Но не простой, а такой, чтобы всем показать, кто тут хозяин.

– Из-за острова на стрежень, на простор речной волны, vyplывают расписные острогрудые челны! – самозабвенно заголосил он, именно так, на старинный лад, и выпевая: «остро-гру-у-удья.»

Причем врал дед более чем безбожно, а даже так, что уши в трубочку сводило.

– Да что ж это за наказание! – раздалось из буерака. – Дед, ты хоть вздремнуть дашь?

– Ай за выворотень возьмусь! – добавил крепкий басок откуда-то снизу, от древесных корней. – Так припечатаю – еще на семь сажен в землю уйдешь!

– А и не больно нужно... – проворчал дед, имея в виду, что вовсе не мечтает отдаться какому-нибудь бусурманину, а лучше будет лежать на глубине семи и даже более сажен, гордый и независимый.

Потом он в одиночестве выложил в солнечное пятно на просушку медь и испанское серебро. Дважды вслух счел деньги, получая от звучащих чисел удивительное наслаждение. А там и вечер наступил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.